новании и соединении философии и религии Поповский выступает как философ-деист.[166]

Поправки Ломоносова в рукописи речи Поповского можно разделить на три категории: поправки ошибок переписчика, лексические и стилистические изменения и изменения по существу. Первая группа не представляет интереса. Ко второй категории относятся, например, такие поправки: в заглавии вместо «Речь, говоренная при начатии философии» — «Речь, говоренная в начатии философических лекций при Московском университете»; вместо «очеса» — «очи»; вместо «Такой тяжелой доступ» — «Какой тяжелой доступ»; вместо «прочим» — «протчим»; вместо «ничтожной» — «малой»; вместо «неспокойного мира философии» — «неспокойства философии»; вместо «не неповинно» — «не безвинно»; вместо «по окончании заслуг» — «по окончании трудов»; вместо «заохочены» — «поощрены», и др. В основном — это сглаживание славянизмов, которых в прозе у Поповского вообще больше, чем у Ломоносова.

Гораздо интереснее и важнее поправки по существу. Говоря о том, что от философии «зависят все познания, она мать всех наук и художеств», Поповский в рукописи добавил: «познание всех вещей в нее едину собрано». Последнюю фразу Ломоносов исключил как несоответствовавшую его пониманию естественно-научного познания природы. Как последовательный философ, опытным путем познававший явления видимого мира, Ломоносов не мог согласиться с этой мыслью Поповского, признававшего познание «всех вещей» только через философское умозрение. Также значительна и другая поправка Ломоносова. Поповский, говоря о философии как науке, которой «подвержено рассмотрению» всё «что ни есть под солнцем» (даже «сокровенные созданий роды лежат перед ее глазами»), в рукописи утверждал также, что «она есть великий океан, от которого озера, реки, источники происхождение свое имеют и к ней паки возвращаются». Отчеркнув эту фразу дважды на полях и зачеркнув ее, Ломоносов написал сбоку: «ложь». Такая постановка вопроса шла вразрез с естественно-научным мышлением

---

[166] Густав Шпет, между прочим, не совсем правильно утверждает, что из речи Поповского не видно, «каковы собственные философские взгляды оратора, какова его философская подготовка, какие задачи должно преследовать философское преподавание». Шпет говорит, что «об этом красноречивый профессор не считает нужным сообщить, а увидеть это читателю самому за блеском элоквенции нет никакой возможности Прославившийся переводами и оригинальными одами, Поповский через год (в мае 1756) был назначен профессором красноречия, что, видимо, и соответствовало его способности и научной подготовке» (Г. Шпет. Очерк развития русской философии, ч. I—II. 1922, стр. 56).